

Царев Михаил

25.1.94

Юбилей, замеченный немногими *Медиаискусство изг. - 1994. - 25 сенб. - с. 7*

ВЛАДИМИР Иванович Немирович-Данченко был режиссером и драматургом, Александр Иванович Южин — актером и тоже драматургом. Но, кроме того, они были легендарными театральными директорами. Их опыт в этой сфере бесценен, его следует изучать.

Михаил Иванович Царев — ему исполнилось бы сегодня 90 лет — был большим актером и тоже многолетним директором Малого театра. Против него восставали, его снимали и снова назначали, но, так или иначе, все театральные бури, как о скалу, разбивались, встречая его насмешливую, мудрую невозмутимость. Он правил долго, отлично знал все актерские слабости, умел их прощать и, главное, предотвращать. К методам его руководства тоже следовало бы присмотреться.

Люди театра часто дают другим крупным людям театра своеобразные прозвища. Было такое и у Михаила Ивановича Царева. Очень простое, производное от его фамилии — «Царь». В театре так и говорили: «Царь сказал, Царь велел, Царь согласился» и т.п.

Он действительно был царь — мудрый, осторожный, властный и в то же время гибкий, зорко следивший за порядком в своем театральном царстве. Пожалуй, только теперь, когда его уже нет, стало особенно ясно, как разумно было его правление.

И на сцене он любил и умел царить, смолоду был первым артистом, не только тогда, когда имел амплуа первого любовника, но и

тогда, когда перешел на роли «благородных отцов» и «резонеров».

Я нарочно привожу здесь названия амплуа старого театра, ибо в Цареве были прекрасны «старомодная» выучка и выдержка, дисциплина и ответственность, присущие актерам старшего поколения. И вместе с тем в нем жила острота и смелость современного характерного актера.

Ему была свойственна некая интригующая парадоксальность — соединение чинной «законопослушности» с творческим и человеческим озорством, политического конформизма с безупречной порядочностью в сфере деловых и личных взаимоотношений, жесткости твердого руководителя с великолепием и даже нежностью.

И на сцене он передавал романтические порывы Чапского, Жадова, Армана и великолепный скепсис Фамусова, Старика, Вожака. Царев занимал высокие должности, ему пришлось перечитать немало не им написанных безликих официальных докладов, но по-настоящему он раскрывался в беседах, искривившихся лукавым юмором, насмешливой наблюдательностью, овеянных дыханием подлинной культуры, той — уходящей, а, может быть, и ушедшей культуры, которая была накоплена в нем от встреч с Ю.Юрьевым, А.Глазуновым, Вс. Мейерхольдом и многими другими столпами художественного таланта и знаний.

И еще один знак классического театрального образования, высокой театральной культуры: когда

Царев говорил, наступало торжество, пиршество русской сценической речи. Не только безупречная интонация, благозвучие и сила голоса, но сама артикуляция, произнесение звуков, четкость согласных и пение гласных, мастерская лепка фразы, особая пластичность слова — все это становилось предметом искусства, доставляло огромное удовольствие.

Я благодарен Михаилу Ивановичу за то, что он дал мне возможность осуществить в Малом театре многие мои замыслы, иногда несколько необычные для этой цитадели традиций. За то, что он всегда выказывал мне уважение и понимание, ни разу не оскорбил начальственным запретом, даже малейшей резкостью тона. Прекрасное воспитание не изменяло ему во всех «ЧП» театрального быта. Очевидно, есть особая культура руководства театром — этой культуре следует учиться у «Царя», у Царева.

У Михаила Ивановича была знаменитая на всю Москву секретарша Адель Яковлевна Лапскер, умевшая самым эффектным образом утверждать и охранять его авторитет. Когда кто-нибудь спрашивал Царева по телефону в его отсутствие, она отвечала: «Михаил Иванович еще не прибыл, ждем с минуту на минуту!» Она аттестовала своего шефа кратко и энергично: «Государственного ума человека!»

Она была права, милая Адель Яковлевна!

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН